

15 ДНЕЙ АДА

Наконец-то я готова рассказать, что с нами произошло, как мы прожили в оккупации 15 дней возле Гостомеля и как спаслись.

Мы выжили в этом аду и теперь, когда 2 апреля освободили Гостомель, Ирпень и Бучу, я нашла в себе силы об этом рассказать. Вряд ли я смогу словами передать пережитое, но я постараюсь, ведь мне это надо сделать в первую очередь для себя, не могу больше носить все в себе. Сочувствие и жалость мне не нуж-

ны, у меня не самая страшная история, просто хочу, чтоб эта история осталась тут для общего прочтения, и чтоб я никогда не забыла и не простила! Пусть Facebook мне каждый год напоминает об этом.

И да, страшных фото не будет, их и без меня уже хватает.

24 февраля в 5:25 неожиданный звонок из Одессы от моего родного брата Андрея: «Война началась! Города бомбят!

Собирайся скорее и выезжай к маме на дачу, подальше от города. В Одессу не едь, тут тоже бомбят!».

Мы с сыном Иваном жили в Гостомеле, а в 7-ми км от нашей квартиры находится дача «Озера 15», где жила моя мама.

В Гостомеле находится военный аэродром имени Антонова, его бомбили рано утром.

Мы с Иваном собрались очень быстро: самое необходимое, документы и продукты из холодильника и поехали к маме на машине. Я давно в разводе с мужем, поэтому вся ответственность за ребенка, дом, машину на мне. И, конечно, мама — тоже моя забота, так как брат далеко, в Одессе.

От моей квартиры в Гостомеле до дачи 10 минут езды. Проезжая мимо автозаправки, увидела очень большую очередь автомобилей. Машины не заправляли, так как не работали насосы из-за поврежденной электросети взрывами на аэродроме. Люди ждали и надеялись, что все заработает. Я не стала ждать, хотя бензин почти на нуле, но до дачи хватит. Заехала в магазин, за продуктами, ведь мама не имеет привычку запасаться едой надолго, покупает всегда немного, чтоб все было свежее. Но в магазине не принимали банковские карты, не было связи с банком, а наличных у меня было совсем мало.

Итак, картина складывалась не наилучшим образом, бензобак полупустой, далеко не уедем, продуктов очень мало.

Мама уже все знала, ей звонил мой брат

из Одессы, и я ее предупредила, что уже еду к ней. Примерно в 6:30 мы уже были на даче. Первые чувства тревоги, растерянности и надежды, что все скоро закончится.

Стали приезжать на дачи соседи с детьми из Киева, чтоб пересидеть подальше от города, но мы все ошиблись

И ПОПАЛИ В ЛОВУШКУ. ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК СТАЛ ЗОНОЙ БОЕВЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПОДСТУПАХ К КИЕВУ.

Уже в 11:30 над нашими домами полетела эскадрилья вертолетов в сторону Вышгорода и Киева, их было около 30-ти, а может и больше. Мы сперва подумали, что это украинские вертолеты поднялись с аэродрома в Гостомеле. Но это были российские десантные вертолеты, они летели очень низко над крышами домов и верхушками деревьев, и разбрасывали в стороны тепловые ракеты. Потом вернулись, сделали круг и опять в сторону Киева. От лопастей вертолетов поднялся ветер, ужасный рев. Я стояла на подоконнике на втором этаже, и думала, что снимаю видео на телефон, но от волнения так и не нажала на запуск видео.

ОНИ ЛЕТЕЛИ ТАК НИЗКО, ЧТО ИЗ ОДНОГО ВЕРТОЛЕТА ПИЛОТ ОБЕРНУЛСЯ НА МЕНЯ, И МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ ВЗГЛЯДОМ.

Жуткое чувство животного страха. В тот момент началась стрельба, полетели истребители, их сбивали украинские ПВО.

Со стороны аэродрома валил густой черно-синий дым. Это было как в кино, невозможно было поверить в реальность происходящего.

В первый день войны еще работал интернет, было электричество, но позвонить кому-либо было сложно, сеть была перегружена. Из новостей в интернете мы узнали, что эти вертолеты высадили десант в Гостомеле, разбомбили аэродром и теплоэлектростанцию в Вышгороде. Что 3 вертолета удалось сбить нашим ПВО и еще разные подробности, которые не укладывались в голове. Сообщили, что для безопасности при обстреле надо прятаться в подвале или в помещении без окон, чтоб взрывной волной выбитые стекла не поранили. У нас не было подвала, поэтому мы договорились с соседкой Олей, что при обстрелах будем прятаться у нее в маленьком подвале.

Стрельба и взрывы не прекращались весь день. Один раз попробовали сидеть в подвале, но сыро, холодно и тесно, сколько прятаться непонятно, а кушать и спать хочется. Мы стали прятаться от обстрела и спать в нашем доме, в сауне на полу под лавками, это первый этаж и там не было окон. Постелили на пол одеяла и спали в одежде, чтоб в любой момент можно было выбежать из дома при пожаре или разрушении от снаряда. Наружную дверь не закрывали, чтоб ее не заклинило во

время взрыва. Спать, это мягко сказано. Это состояние полудремы с прислушиванием и вздрагиванием от стрельбы, взрывов, рева истребителей, и ожидания, когда наступит утро. Сын спал хорошо, он мужественно все воспринял, нас успокаивал и даже начал писать дневник военных событий.

25 февраля. Мы узнали, что все мосты через реку Ирпень взорваны, чтоб российские войска не зашли в столицу. Территорию наших дач, соседние села, Гостомель, Бучу и Ирпень от Киева отделяет река Ирпень. Теперь мы в оккупации и полностью отрезаны от Киева, кругом слышны взрывы, стрельба, бежать уже поздно и некуда.

Отключили электричество, а это значит, нет воды (не работает насосная станция), у некоторых электроплиты, электрическое отопление и нет печей. Нет интернета, телефон разряжается. К тому времени мобильная связь тоже почти не работала, были повреждены вышки сотовой связи. Жители дачного поселка стали объединяться и помогать друг другу, готовили вместе еду и грелись у каминов, у тех, у кого они были. Нашли старые колодцы и скважины с ручными насосами. Вода была плохого качества, желтая, много примесей железа. Воду отстаивали и пили.

Тем временем бои проходили совсем рядом с нами. Перестрелка шла через нас в сторону Киева и с другого берега ответные боевые удары украинской боевой техникой. Шли ближние бои со стрельбой из автоматов и пулеметов. Все кругом грохотало, свистели пули,

земля содрогалась от взрывов. Вокруг наших дач, в лесопосадках, рощах, в лесочках стояла военная боевая техника. Ракеты летели через наши головы, и мы молились о том, чтобы ответный удар был точным и снаряды прилетели бы не в нас, а во врага.

26 февраля. Утром, когда ненадолго все затихло после ночного боя, я вышла на улицу за водой, и увидела, что недалеко от моего дома из земли торчит не разорвавшаяся крылатая ракета. Она чудом не задела соседскую машину, которая была под завязку заправлена бензином и газом. Тогда я поняла, нас охраняют ангелы, и мы обязательно должны выжить.

В тот же день соседи вскрыли местный дачный магазинчик «Теремок», и все выстроились в очередь за продуктами, конечно, бесплатно. Пока мы стояли в очереди, над нашими головами начали летать вертолеты, что-то взрывалось, грохотало. От этих звуков мы приседали, прижимались к забору, но все равно стояли и ждали своей очереди. Ведь уже было ясно, что это — надолго и заpastись едой необходимо.

БОИ ПРЕКРАЩАЛИСЬ СОВСЕМ НЕНАДОЛГО, НА ЧАС ИЛИ ДВА, А ПО- ТОМ С НОВОЙ СИЛОЙ НАЧИНАЛАСЬ СТРЕЛЬБА ИЗ РАЗНЫХ ОРУДИЙ.

Так продолжалось изо дня в день и все дни слились в один. Мы изучили звуки разных орудий и научились ориентиро-

ваться, далеко или совсем близко идет бой и, где взрываются снаряды. Откуда куда летят ракеты и где падают. Знали, как звучат автоматы, минометы, гранаты, как свистят ракеты, пролетающие над домами. Эти знания нам помогали выживать. Знали, когда надо присесть, когда упасть на землю и ползти в укрытие, когда прятаться в доме и молиться, а когда можно и подышать свежим воздухом под звуки далеко идущего боя.

Приспособились в этом выживать, ведь надо было готовить еду, ходить за водой, общаться с соседями и узнавать новости, что разрушено и все ли живы. Ночью мы видели, как горят дома и их, конечно, никто не тушил. Испытывали ужасное чувство беспомощности, ведь там могли быть люди.

Мы с соседями очень сдружились за это время. У нас организовалась небольшая компания — «боевые друзья». Мы стали друг другу как родные: собирались вместе у камина, пили кофе, шутили, поддерживали друг друга морально. В машине с включенным двигателем подзаряжали телефоны и слушали новости, недолго и только раз в день — берегли бензин. Мама на Масленицу даже блинов испекла, открыли баночку варенья и откуда-то появилась наливка из бабушкиного погреба. Поднимали себе настроение как могли.

Все это время солдаты и военная техника не заходили вглубь нашего поселка. В основном, больше всех страдали крайние участки — люди там не выходили из подвалов по несколько дней.

НО, ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ НА ТЕРРИТОРИЮ НАШЕГО ДАЧНОГО ПОСЕЛКА ВОШЛИ ВОЙСКА РАШИСТОВ С ТЯЖЕЛОЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКОЙ. **СТАЛИ ВЛАМЫВАТЬСЯ В ДОМА, ВЫБИВАТЬ ДВЕРИ, ОКНА.**

Ломали заборы, ставили танки и ракетно-зенитные установки на садовых участках, стреляли в сторону Киева или Вышгорода и меняли позиции боевых машин, перевозя их с одного на другое место. Мы стали живым щитом.

В наш дом тоже ворвались солдаты. Дверь была не заперта, поэтому ее не выбивали. Мы спрятались в сауне на полу под лавкой, поджав ноги под себя. Нас не увидели, но по всем комнатам что-то искали, открывали все шкафы и разбрасывали вещи. Непонятно, что искали, возможно не нас, но знать не хотелось. Было очень страшно.

С этого дня солдаты стали постоянными гостями на наших улицах и из домов стало опасно выходить. Большую часть времени мы проводили на полу в укрытии. Каждый день военная техника заезжала на улицы и переулки наших дач и отсюда велись бои. После боя по улицам солдаты тащили своих раненых, размазывая кровь по асфальту. Трупы иногда вывозили на огромном военном грузовике. Соседские смелые мужчины после

боя порой выходили в поле и рассказывали, что трупами усеяно все вокруг.

В редких перерывах между боями мы общались с соседями и узнали, что скоро будет объявлен «зеленый коридор» для эвакуации из Гостомеля. Но до Гостомеля надо еще добраться. От нас эвакуацию даже не планировали. Доехать до точки сбора в Гостомель надо было самостоятельно, а это 7 км по полностью оккупированной территории. Перестрелка во время пути могла начаться в любой момент.

9 марта. По новостям объявили эвакуацию из Гостомеля, Бучи, Ирпеня. Об этом мы узнали от соседей, до них кто-то дозвонился и сообщил это. Там должны были собираться колонны автобусов, медики, волонтеры, под охраной военной полиции. Но у нас бои не прекращались, и мы слабо верили в достоверность этой информации.

В тот день бой шел как-то особо громко. Мы, как обычно, прятались в своем укрытии, в сауне. По звукам я определила, что прилетела ракета где-то очень близко от нас и, похоже, попала в чей-то дом. Когда ненадолго утихли ракетные удары, я вышла посмотреть, что произошло и узнать, не погиб ли кто. Увидела, что от дома остались одни руины. Подошли еще соседи и среди них Андрей, боевой друг из моей компании.

И ВДРУГ Я УСЛЫШАЛА ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ СВИСТ РАКЕТЫ **ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ БЛИЗКО.**

АНДРЕЙ КРИКНУЛ: «ЛОЖИСЬ!», ТОЛКНУЛ МЕНЯ, ПРИЖАЛ К ЗЕМЛЕ ВОЗЛЕ БЕТОН- НОГО ЗАБОРА И НАКРЫЛ СОБОЙ.

Ракета прилетела в дом рядом с нами, за бетонным забором. Полетели осколки стекла, куски окон, камней, металла, упал столб. Нас засыпало каким-то мусором. Бетонный забор нас защитил от ранений, а может даже и от смерти. Мы побежали, и опять свист, и крик «Ложись!», и опять прикрывает собой. И снова все разлетается в разные стороны как в замедленном кадре из фильма. Так прилетели 3 или 4, а может и больше ракет... Я уже не считала, а только ложилась и бежала, ложилась и бежала. Добежали мы вместе до моего дома, и ракетный налет прекратился. Я увидела, что дом цел, мама и Ваня живы, но перепуганы.

Этот ракетный налет стал для меня переломным. Я решила, что если сейчас не сделать попытку эвакуироваться, то можно погибнуть под обломками собственного дома при следующем ракетном ударе. Быстро кинули в машину самое необходимое и кошку в переноске. Мужчины из нашей команды боевых друзей залили в бак бензин из пластиковых бутылок, и мы выехали с дач. В спешке я не успела собрать свои вещи и забыла переодеться. Так и выехала в двух теплых пижамах, в старых дачных кроссовках и в куртке — это была моя одежда в последние время и днем, и ночью. Мама с Ваней тоже не переодевались. Главное было — взять документы.

Я за рулем, в машине мама, сын Иван, соседка Оля, моя боевая подруга Ксюша, ее собака Джордж и моя кошка Груня. Еще трое наших боевых друзей Андрей, Саша и Паша провели нас до выезда с дач и остались, так как в новостях сказали, что эвакуировать будут только женщин, детей и мужчин старше 60 лет.

И вот мы выехали на трассу. С этого момента начинаются самые страшные и опасные часы нашей жизни. Описывать тяжело, сердце колотится от воспоминаний.

Мы выехали с наших дач одни, больше никто не решился выезжать, хотя мы договаривались с соседями, что поедем большой колонной, что так будет безопаснее.

На капоте нашей машины был приклеен скотчем кусок белой простыни и на нем фломастером написано «ДЕТИ». В руках держали, высунув из окна белые флаги, которые смастерили перед выездом с помощью степлера из палок и куска простыни. Я ехала очень медленно, с включенными аварийками. Сердце выскакивало из груди, и мы все стали шепотом молиться.

ТРАССА БЫЛА УСЕЯНА ОСКОЛКАМИ СНАРЯ- ДОВ И НЕПОНЯТНОГО ЖЕЛЕЗНОГО МУСОРА, ПОХОЖЕГО НА ДЕТАЛИ ОТ КАКОЙ-ТО ТЕХНИКИ.

Страшно было и потому, что мы знали о тех, кто ранее уже делали попытки выехать, но их машины были обстреляны. Некоторым удалось спастись, и они ра-

ненные приползли обратно, а некоторые так и не вернулись.

Примерно через километр мы увидели солдат с оружием. Я притормозила и подняла руку из открытого окна. Автоматом мне солдат подал знак подъезжать ближе. Я подъехала и с поднятыми руками вверх вышла из машины. Мне сказали опустить руки, открыть багажник, всем показать документы и отдать свои телефоны.

Я уже знала случаи, что когда солдаты встречали местных на наших дачах, то забирали телефоны, проверяли фотографии, видео, читали переписку, а потом разбивали телефоны прикладом автомата, чтоб местные не сдавали их позиции и не отправляли видео и фото их техники украинской армии.

Я заранее спрятала свой телефон под сиденье, а отдала им старый телефон сына как свой. У нас отобрали телефоны, и никто из нас не пытался сопротивляться этому. Молча отдали, ведь перед нами вооруженные люди.

Мы поехали дальше. До места эвакуации еще километров шесть очень страшной дороги.

Я ехала очень медленно и внимательно смотрела на дорогу, чтоб не пробить колесо обломками. На обочинах стояли сгоревшие, расстрелянные и раздавленные танками гражданские машины. Я боялась повернуть голову и посмотреть туда, ведь в некоторых были трупы. На трассе было много сгоревшей и разбитой военной техники. Мы проехали еще несколько таких постов с

вооруженными солдатами. Каждый раз с замиранием сердца я выходила из машины с поднятым руками и говорила, что еду на эвакуацию в Гостомель, что в машине только женщины и дети. Нас пропускали, и мы проезжали дальше.

Когда мы подъехали к назначенному месту эвакуации, то увидели огромную колонну из легковых машин. Все эти люди, так же как мы, приехали из ближайших сел и Гостомеля в надежде спастись. Много людей шли пешком с детьми, тащили в руках свои вещи, котов в переносках, собак на побоедах. Какую-то старенькую парализованную женщину везли в садовой тачке. Жуткая картина, как из фильма о Второй мировой войне. Колонна не двигалась, а машин становилось все больше и больше. Никто не понимал, что происходит. Потом люди стали по цепочке передавать друг другу информацию о том, что эвакуацию отменили, а впереди рашисты взорвали дорожный переезд с машинами. И тут вдруг полетели военные вертолеты прямо над нами. Началась стрельба, взрывы, люди врассыпную, машины стали разворачиваться и ехать обратно. На перекресток, откуда мы приехали попал снаряд и там образовалось скопление машин. Назад пути для нас уже не было. Большинство домов на этой улице были уже сгоревшими или разрушенными. Я стала бежать по улице в поисках уцелевшего дома, и тут мне люди из-за забора машут руками и кричат: «Сюда! Быстрее к нам!». Они открыли ворота, и я быстро заехала к ним во двор, по пути, наехав на высокий бордюр, случайно оторвала у машины бампер. Но это было уже не важно, мы были в относительной безо-

пасности. Дом этих людей был маленький, одноэтажный и в низинке относительно улицы и всех остальных домов. Его с улицы даже видно не было. Все соседние большие дома были полностью разбиты.

Хозяин дома Юра, его жена Жанна и их внучатый племянник Рома нас тепло приняли и разделили с нами свой ужин. Юра нам рассказал холодящую кровь историю.

В первых числах марта он, со своим другом Юрием Прилипко (мэром Гостомеля) и еще с тремя волонтерами развозили еду и лекарства людям в подвалах в ЖК Покровский. Они ехали по центральной улице. Навстречу выехала военная техника и начали обстреливать их гуманитарную машину. Они развернулись и попытались скрыться в переулке, но путь был перекрыт трактором. Все люди выбежали из машины в попытке спастись, а в них стали стрелять снайперы из ЖК Покровский. Трое погибли, в том числе и мэр. Два человека спрятались под трактором. За ночь они руками и перочинным ножиком, которой оказался в кармане у Юры, прокапали себе окоп до ближайшего полуразрушенного дома. Несколько дней они там прятались в холоде, без еды и воды, а на третий день переоделись в женскую одежду, старый халат, повязали платки на голову и в таком виде добрались домой. Тело мэра Юрия Прилипко оккупанты заминировали и его не могли забрать. Батюшка из нашей Свято Покровской церкви пытался договориться с солдатами, но безуспешно.

ЕЩЕ МНОГО УЖАСНЫХ ИСТОРИЙ МЫ УСЛЫШАЛИ В ТОТ ВЕЧЕР, **НО ЭТА МЕНЯ ШОКИРОВАЛА БОЛЬШЕ ВСЕГО.**

Мы остались ночевать в доме у этой семьи: 8 человек, 3 собаки и 3 кота. Легли, кто где нашли себе местечко, на диванчике, на кресле, на полу, укрылись пледами. Всю ночь шел ужасный бой. Уснуть было невозможно, небо светилось от взрывов, из окна было видно, как горят соседние дома. Были видны красные пунктирные выстрелы автоматной очереди. В ушах звенело от этих невыносимых звуков. Дом трясся, стекла дрожали, с книжных полок что-то падало. Такого страшного боя мы еще не видели. К утру все затихло.

10 марта. Я вышла из дома на рассвете. Вставало солнце сквозь клубы дыма. Было -11° . На горизонте догорал завод по производству шин, пахло гарью и паленой резиной. Вокруг почти не было уцелевших домов. Я думаю, что нас оберегали ангелы, наш дом не пострадал.

Мы на костре вскипятили воду, приготовили завтрак и стали слушать новости о том, что произошло и будет ли эвакуация сегодня. В новостях сказали, что сегодня будет еще одна попытка эвакуировать людей. Мы сели в машину и выехали на улицу на место эвакуации. Хозяева дома остались и сказали, что будут ждать официального подтверждения, что эвакуация началась.

На улице уже стали собираться машины. Некоторым людям пришлось ночевать в своих машинах с включенным двигателем, чтоб не замерзнуть. Сложно представить какой ужас они пережили этой ночью. По лицам людей было видно, что они растеряны, напуганы. В глазах — ужас и паника. У некоторых женщин началась истерика, плакали дети.

За 15 дней войны я ни разу не заплакала и не паниковала. Паника в этой ситуации только бы навредила, а мне надо было выжить и спасти свою семью. Должна отметить, что и мама, и сын мужественно переживали все происходящее. Да и вся наша команда, соседка Оля и боевая подруга Ксюша тоже оставались хладнокровными. В нашей команде еще были собака породы корги и сиамская кошка. Они проявили невероятную выдержку и терпение, понимали, что мы их спасаем. Никто из животных ни разу не запаниковал. Все сидели тихо и смирно.

УТРО, ГОСТОМЕЛЬ, ПОЛУРАЗРУШЕННАЯ УЛИЦА, МАШИНЫ, НАПУГАННЫЕ ЛЮДИ.

**ВСЕ ЧЕГО-ТО ЖДУТ,
И НИКТО НИЧЕГО
НЕ ЗНАЕТ, А ТОЛЬКО
НАДЕЮТСЯ НА ЧУДО.**

Кто-то сказал, что надо оставлять машины и идти пешком через взорванный переезд, где на другой стороне будут ждать автобусы эвакуации. Но меня этот вариант не устраивал.

И тут я увидела, что едут две машины в обратном направлении. По лицам мужчин было видно, что они знают куда едут. Я махнула им рукой, чтоб остановились. Один водитель сказал, что знает путь, по которому можно объехать поврежденный участок дороги, и я пристроилась за ними третьей машиной. Так нас организовалась колонна смельчаков из пяти машин, и мы поехали по центральной улице Гостомеля.

То, что мы увидели невозможно описать словами. Это был как страшный фильм про конец света. По дороге не было ни одного целого дома, сгоревшие магазины, выбитые окна, двери, разбитая военная техника, разорванные танки на несколько частей, очень много расстрелянных и сгоревших гражданских машин на проезжей части. По улицам лежат трупы, прикрытые покрывалами. Проезжали мимо уничтоженного стекольного завода и рынка. Везде стояли рашисты с автоматами. Мужчины из ведущей машины каждый раз при виде солдат останавливались, выходили с поднятыми руками, просили, чтобы пропустили нашу колонну, и мы ехали дальше под прицелом автоматов.

Мы проехали мимо дома, в котором мы жили с сыном. В доме не было ни одного целого окна и весь фасад здания был в дырках от автоматных очередей и разных снарядов. Боюсь представить, что было бы, если бы мы не уехали на дачу утром 24 февраля.

Ехать по улице было сложно, ведь не было ни одного отрезка дороги без обломков чего-либо, был большой риск пробить колеса.

Вдруг из-за поворота на скорости начали выезжать танки. Две наши первые машины успели проехать этот перекресток, а я не успела и танки стали поворачивать прямо на нас, и не собирались тормозить. Я быстро свернула на обочину, чудом не наехав на острые обломки и танки пронеслись мимо нас. Я видела на дороге раздавленные танками гражданские машины и понимала, что это могло произойти и с нами, но нам опять повезло... Мы уцелели!

Так продолжался наш путь через Гостомель, Бучу, Ворзель, и везде мы видели эту ужасную картину: руины, трупы, детские коляски на обочине, расстрелянные машины, взорванные танки, российские вооруженные солдаты. Все это я видела периферийным зрением, не отводила взгляд от дороги, крепко держалась за руль, ехала с мыслями о том, лишь бы не пробить колесо об осколки на дороге, лишь бы хватило бензина, лишь бы не наехать на мину. И где-то за Ворзелем, вдалеке, мы увидели большую колонну из машин, которая двигалась по направлению к Киеву. Это были такие же как мы, отчаянные и смелые люди, которые, не дождавшись помощи, отправились в эвакуацию самостоятельно.

Машины стекались с разных сторон в одну большую колонну. Наша ведущая машина припарковалась на обочине, и мы все встали за ней. Я вышла из машины и побежала обнимать незнакомых мне мужчин, которые взяли на себя ответственность и смело вывели нас из этого ада.

Мы все обнимались, улыбались и чуть не плакали. Мы смогли, мы это сделали!

На протяжении всего пути, при виде солдат на блокпостах, эти отважные мужчины выходили из машин с поднятыми руками и просили нас пропустить. Я не знаю какие волшебные слова они говорили, но нас везде пропускали, а ведь мы не ехали по согласованному зеленому коридору, а выбрали какой-то другой путь, не дождавшись одной общей колонны.

К сожалению, не всем так повезло, как нам. Потом я уже узнала, что в эти дни эвакуации 10, 11 и 12 марта было расстреляно и взорвано очень много машин с женщинами и детьми.

На этом путь не закончился, впереди был последний российский блокпост. Колонна двигалась очень медленно, как будто специально, чтобы мы имели возможность рассмотреть, весь этот ужас и руины, которые оставляют после себя эти «освободители». Это было страшное зрелище.

Блокпост, опять проверка документов, багажника. Дальше мы ехали по селам и все меньше и меньше видели поврежденных домов. Наконец-то мы увидели наши украинские жовто-блакитні флаги!

ХОТЕЛОСЬ ПЛАКАТЬ ОТ РАДОСТИ. МЫ ДОЕХАЛИ ДО КИЕВА!

Нормальный путь в мирное время до Киева по мосту, через реку Ирпень, со-

ставлял не больше 30 минут, но мы ехали в объезд и на это ушло 4 часа.

Соседку Олю встретил муж на окружной дороге, боевую подругу Ксюшу встретила мама, а мы поехали в отель, в котором жили солдаты. Мой друг там нас приютил.

Горячий душ первый раз за 15 дней, свет, интернет. В телефон стали приходиться сообщения, которые собрались за все время оккупации. Нас накормили в солдатской столовой очень вкусно, и мы спали на кроватях впервые за это время.

Так же мы первый раз услышали сирены воздушной тревоги, ведь на дачах их не было. Спать мы уже отвыкли, да и сирены не давали крепко уснуть. Только Иван молодец, хорошо спал.

11 марта. Мы позавтракали и снова отправились в путь. Теперь перед нами стояла задача не на выживание, а на выносливость. Долгий и изнурительный 16-ти часовой путь за рулем из Киева во Львов. На следующий день очередь на венгерской границе 4 часа, дальше Будапешт, потом через Австрию в Германию, Мюнхен и, наконец, Штутгарт, где нас уже ждал мой старший сын Влад. Нигде не хотелось останавливаться и любоваться красивыми странами и городами. Хотелось как можно быстрее приехать туда, где нас примут. Хотелось выдохнуть все то, что мы пережили за это время и снова начать улыбаться.

Мы приехали в Штутгарт с паспортами, ноутбуком, кошкой и в том, в чем вые-

ехали из дома 9 марта, ничего не успев с собой взять.

Но я привезла самое ценное что у меня есть, я привезла свою семью.

Слава Украине!!!

P. S. И да, мужчинам, нашим боевым друзьям с дачи, тоже удалось спастись. Они выехали с дач на следующий день после нас, а сейчас активно принимают участие в том, чтоб как можно быстрее пришел мир на нашу землю.

P. S. 2. На фото мы в Штутгарте возле дома в котором живем.

P. S. 3. В официальных источниках написано, что Юрий Прилипко погиб 7 марта, но по рассказу Юры, который в тот трагический день был рядом с ним, это было гораздо раньше. Ведь после того, как расстреляли трех человек, Юра и еще один мужчина три дня прятались в разрушенном доме и только потом смогли добраться домой. А мы с ним общались 9 марта. Могу предположить, что день смерти зафиксировали той датой, когда его нашли.

Так что я из своего рассказа удалю эту дату.

Олена Трутнева,

дизайнерка інтер'єру та художниця

Україна, м. Гостомель,

Німеччина, м. Штутгарт